

Армин Кыюяги

Тишина

Анду сидел за своим обшарпанным письменным столом и занимался... Впрочем, ничем он не занимался. Желтоватый пучок света от настольной лампы падал на руки. Анду и так, и сяк вертел ими. Это были руки мужчины лет пятидесяти. Анду попытался вспомнить свой возраст. Кажется, что-то вроде пятидесяти двух-трех. Примерно так.

Вот уже несколько месяцев как он безвылазно сидит в своей комнате. Похоже, жена и дети начали к этому привыкать. Время от времени дети обращались к нему, в ответ Анду едва слышно бормотал что-то невнятное. Как правило, после этого продолжения не следовало. Изредка к Анду в комнату заходила жена и спрашивала, не хочет ли он есть. В последний раз это случилось примерно дней шесть тому назад. Анду не откликнулся, молча листал справочник пресноводных рыб и даже не повернулся к стоящей на пороге жене. Глянув на его обтянутую свитером спину, жена через пару секунд пожала плечами и удалилась...

Анду прислушался. В квартире, похоже, было все как всегда. Ни один звук не нарушал привычной тишины. Только за детьми и женой закрылась дверь, как утренняя суматоха улеглась. Жена отправилась на работу, парень в университет, а дочь на какие-то курсы. Оставшись в одиночестве, Анду встал и пошел поискать, чем бы заморить червячка. Иногда Анду мылся. Одежду почти не менял. Уже который день никто из домочадцев не пробовал выйти с ним на контакт. У Анду возникла мысль. Вернее, вопрос. Может, он уже и не нужен им?

А нуждается ли в них Анду? Ответить он не смог. И вообще, осознают ли присутствие в доме Анду, когда смотрят по телику

свои пустые передачи и наперегонки, словно соревнуясь, перекидываются шаблонными комментариями? Или когда по средам утром, как малые дети, цапаются за право первым почитать свежий номер глянцевого журнала? Нет, должно быть, они все же уверены в существовании Анду. Ведь Анду всегда держит свою дверь приоткрытой. Ровно настолько, чтобы с дивана в гостиной была видна его спина в темно-зеленом свитере. Они знают, что Анду дома. Просто он вроде отшельника уединился в своей комнате. И сидит там много недель.

Анду осознал, что ему больше не нравится дома. Ему не нравится его жена и ему не нравятся его дети. Они казались какими-то нелепыми. И вся их дерготня была какой-то пустой. Разговоры бессодержательными. Анду никак не мог понять, в чем смысл их существования. Хотелось убраться подальше. Хотелось тишины. Тишина – великое чувство. В тишине становится очевидным, что вся эта суета – от бессилия и не имеет никакого смысла. Ибо если б суета обладала настоящей силой, она давно бы задушила тишину. Но тишина никуда не девается. Разумеется, не все слышат ее. Анду мечтал о тишине. Причем не о временной, что наступала с уходом семейства и исчезала с ее возвращением, а о постоянной. Ему хотелось полностью погрузиться в тишину. Взять и уйти из дома Анду не мог. Не то чтобы испытывал трудности с выбором, куда идти. Нет. Просто он хотел уйти незаметно. Без шума и воплей вслед. Хотя он вовсе и не был уверен, что реакцией на его уход будут вопли, но тем не менее. На всякий случай. Он хотел тихо уйти в тишину.

Как-то вечером Анду листал книгу о восковых фигурах. На картинках – королевские династии, знаменитые актеры, политики и бог знает кто еще. Все очень достоверные, в натуральную величину. Анду пришло в голову найти такого мастера и заказать свою восковую фигуру. В сидячей позе. С чуть сутулой спиной. Именно так Анду представлял себя со стороны.

Его заказ выполнили и восковую фигуру доставили. Анду посадил ее на свой стул. Фигура с интересом уставилась на лежащий перед ней журнал для рыболовов. Анду стянул с себя засаленный свитер, покрытые пятнами штаны и одел фигуру. В одном нижнем белье он с порога комнаты взглянул на нее. Затем уселся

на диван и снова поглядел. Затем пошел на кухню и по пути искося бросил взгляд в направлении своей комнаты. Анду остался доволен. Очень доволен.

В тот вечер входная дверь отворилась в обычное время, впустив в квартиру щебет жены и детей. Они были так заняты обсуждением пестрых дневных дел, что не заметили, как в щель закрывающейся за ними двери безмолвно скользнул чей-то силуэт. А через приоткрытую в комнату Анду дверь они привычно видели спину в темно-зеленом свитере, и их покой ничем не был нарушен.

Перевод с эстонского Веры Прохоровой
Таллинн

